

Отец Андрей Лоргус:

“Кое-что обо мне...”

2009 г.

https://youtu.be/WCtxKhMpuTA?si=9OOb_i9sMkuiNfQI

13:32

о. Андрей Лоргус:

[Говорящий 1]

Любовь и милосердие даны нам по природе души. Вообще любви нельзя научить, можно только любить. И от вашей любви научится другой любви.

Любовь заразительна в этом смысле. И когда милосердие от щедрости, от полноты душевной, тогда оно вот течет рекой, и её никак нельзя остановить. Человек сам находит форму и говорит, что мне такого сделать людям.

Мой отец Вадим, он избрал для себя профессию геолога. И я-то родился на Колыме, именно потому, что в этот момент отец работал в Колымской георгоразведчинной партии. И после этого он долгий год работал на Чукотке, и я там вырос.

Я ходил на охоту и на рыбалку, а потом уже, когда пошел работать, мыл золото, работал в артели и своими руками золото мыл. Вот так на ладошке его может уместиться сто грамм. И добывая золото, конечно, никогда не думаешь о деньгах, а думаешь скорее о тех благородных качествах, которые несет этот металл.

И вообще золото к деньгам не имеет отношения, это нечто более важное. А вот духовное золото – это то достоинство, к которому мы призваны. Недаром и апостол Петр говорит, обращаясь к каждому христианину, что ты – царский род, род избранный.

Тридцатого года назад я сюда пришел, в это здание, принес документы и, как ни странно, поступил с первого раза на дневное отделение. И вот когда уже нас, первокурсников, в этом здании собрали в самую большую аудиторию, вот там, на втором этаже, Алексей Николаевич Леонтьев читал нам вводную лекцию. Это был, ну, как бы, человек мировой величины, его знали во всем мире.

А теперь здесь новые мальчики и девочки, которые тоже хотят учиться на этом факультете. И это приятно, потому что это альма-матер. До перестройки университет – это был такой кунсткамер людей самых разных.

У нас были дзен-буддисты, у нас были скрытые христиане, у нас были мусульмане, у нас были теософы, конечно, последователи блаватских. Я ведь пришел на факультет неверующим человеком, некрещеным. И здесь именно все это и случилось.

Дело в том, что незадолго перед поступлением я женился. А уже на первом курсе у меня родилась дочь. Я думал так, что жизнь, любовь – это что-то фундаментальное, и это должно быть главным.

Но все, что окружало меня, и та идеология, к которой я принадлежал, в ней не было ни того, ни другого – ни жизни, ни любви. И вот тогда я вспомнил слова, что Бог есть любовь, и стал искать. И в конце концов, вот где-то осенью 79-го года на третьем курсе я понял, что я должен сделать этот шаг к церкви, к вере.

После моего крещения не было никакой у нас опасности, что кто-то чего-то бы начнет говорить на эту тему, никого не волновало. И вдруг нас вызывают в Портком МГУ, устроили собрание очень большое, там пришли какие-то люди, философы-портработники, конечно, и чекисты пришли. Но, как говорят, сверху, то есть из горкома комсомола пришло указание оставить, то есть мы спокойно доучились.

Вот представьте себе, 1982 год, самое пекло за 100, если так можно сказать. Все нельзя, ничего нельзя, и в науке сухо, и в психологии неинтересно. И я, получив диплом и получив звание офицера, поскольку у нас была военная кафедра, пошел в храм дворником и сторожем.

То есть сторожем я ночью, сторожил двое суток, а днем убирался, убирал снег зимой, осенью листья, летом подметал мусор, косил траву, ухаживал за цветочками, ну, в общем, делал все, что можно. Я впервые в своей жизни научился так быстро мыть окна, и это было одно из самых счастливых периодов моей жизни, потому что я говорил тогда своим друзьям и своим одноклассникам и однокурсникам в университете, что я делаю то, что считаю нужным, и говорю то, что хочу. Вот представьте себе в период застоя, когда говорить было ничего нельзя, и верующие должны были скрываться.

А я верующий, и я мог говорить все, что угодно, потому что я работал в церкви, мне нечего было бояться. Я очень много за это время прочитал церковной литературы, выучил язык церковно-славянский, службу хорошо знал. И церковные истории, богословие.

Иными словами, я уже был готов к поступлению в семинарию. Но в семинарию не так легко было поступить с высшим образованием. Уполномоченный по делам религии говорил, как же так, государство тебя учило, оно тебе дало специальность, а ты уходишь.

Нет уж изволи отработать, хотя я никому не нужен был абсолютно. Как специалист-психолог со своей инженерной психологией был никому не нужен. Для многих это было чудачество, для многих это было как бы человек, который сломал свою карьеру, ушел из мира.

Хотя на самом деле я не уходил, очень общался в те годы очень много и познакомился с замечательными людьми. Одно из моих знакомств закончилось тем, что профессор российского православного университета сказал, что надо тебе читать христианскую антропологию. С той поры, с девяносто шестого года моя судьба оказалась связанной с российским православным университетом.

В 2002 году мы открыли факультет христианской психологии. Вот так я вернулся в профессию. И потом главное, в чем заключается моя задача, убедить человека, чтобы он заинтересовался собою, чтобы он научился уважать себя, видеть в себе образ божий, высочайшая божественная достоинство.

Если человек начинает видеть свет внутри себя, который есть божий свет, если он начинает уважать себя и ценить то, что в нем происходит, то он даст этому потоку дальше течь. И все, само собой, выстроится. Служение в таком месте – это совершенно другое понимание христианства, другой, другими средствами, по-другому выстроено.

Здесь главным становится не только служение, хотя это важно, но и общение с ними, просто совместная жизнь. Это самое важное. Даже если он лежит носом к стенке, он никогда не поворачивается к тебе, когда входишь к нему в палату.

Даже так. Это все равно встреча. Но все мы, когда пришли сюда, мы не были готовы к этой встрече.

Мы учились здесь в 1994 году, когда наш храм был освящен. Мы начали в 1993-м строить его.

[Говорящий 2]

Никто из нас ничего не умел.

[Говорящий 1]

Здесь для священника, который начинает служить в таком заведении, много сложностей. Есть совершенно немые, которые приходят на исповедь, но они не могут сказать ни слова. И начавши служить, я стоял перед совершенно необъяснимой загадкой, что мне делать.

И я тогда обратился к святейшему патриарху и как-то великим постом подошел к нему в алтаре и спросил, как быть, как действовать. Он сказал, что ничего страшного, надо продолжать, существует такое понятие, как немая исповедь. И с тех пор я успокоился и вот такую немую исповедь принимал.

Здесь ученят многих. И я должен сказать, что потом я понял, что они на самом деле исповедуются. Хотя слово сказать не могут, а я не могу услышать.

Я понимал, что это исповедь, я понимал, что они каются в этот момент. И когда было десятилетие храма, то я понимал, что храм создан не только нашими силами, он построен по их молитвам. Для меня поэтому христианство и церковь – это прежде всего любовь.

Основание любви. Это то место на земле, где любовь, как царство небесное, живет. Вот это самое главное.

И, по сути дела, вся моя церковная жизнь, вся деятельность – это свидетельство о любви, о самом важном. И если бы люди любили, именно любили, не были любимыми, а любили, то тогда бы и войны бы не было, и ненависти не было бы, и зло бы не было. Я в это верю.

Мой прадед по прямой мужской линии Дмитрий Алексеевич Боглевенский. Он стал священником в селе Купавно. Моя прабабушка родила 13 детей, из которых выжило немного.

И, между прочим, вот одна из их дочерей жива, ей сейчас 94. Мы с ней как-то приезжали в дом, и она смотрела, говорила, что вот в этой комнате была девичья, в этой комнате была столовая, в этой комнате был папин кабинет, это было обязательно, чтобы у священника был кабинет. И вот в

этой церкви он прослужил больше 45 лет, и в этой церкви он очень много переустроил за эти свои годы.

Он создал богаделье, он создал общество кругвиносцев, он перестроил храм, он имел воскресную школу. Она была до него, но он ее расширил и сделал ее бесплатной для сирот. Я возобновил свое духовное наследие от прадеда и стал священником, как и он.

Но уверяю вас, что я к этому сознательно не шел. Прежде всего это оказало на меня воздействие тогда, когда мы узнали, что наши деды, отцы и прадеды лежат в Бутовском полигоне. Убиенный протери Дмитрий Богевленский и дьякон его церкви Иосиф, они вместе были арестованы в одну ночь и в одну ночь другого уже числа, через 10 дней были расстреляны.

Вот так кратко сложилась моя жизнь, моего рода.